

Научная статья
УДК 342.32
EDN KFSDHP
DOI 10.17150/2411-6122.2024.1.77-89

Криминалистическая характеристика организованных форм мошенничества

О.В. Полстовалов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация,
kriminalist-2010@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в научной статье является криминалистическая характеристика организованных форм мошенничества. Приводится авторское определение организованных форм мошенничества, раскрываются элементы криминалистической характеристики, описывается структура организованных групп, дается характеристика личности участника организованной группы по рассматриваемой теме. Новизна темы публикации обусловлена ее раскрытием через призму проведенного автором анализа собственной правоприменительной практики и научных источников. Предпринята попытка не просто дать типизированную криминалистическую характеристику таких преступлений, а описать различные актуальные организованные формы мошенничества с позиции элементов их совершения. Целью настоящей публикации является выделение особенностей криминалистической характеристики организованных форм мошенничества. Используются методы анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой. На основе теории и правоприменительной практики автором определены ключевые элементы криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, выделены десять способов организованных форм мошенничества, обозначены пять типичных групп личностей, совершающих искомые преступления, раскрыта структура многообразия организованных групп.

Ключевые слова: мошенничество, организованные формы мошенничества, криминалистическая ответственность, организованная преступность, криминалистическая характеристика, производное мошенничество, цифровизация.

Для цитирования: Полстовалов О.В. Криминалистическая характеристика организованных форм мошенничества / О.В. Полстовалов. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.1.77-89. — EDN KFSDHP // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 1. — С. 77–89.

Original article

Criminalistic Characteristics of Organized Forms of Fraud

O.V. Polstovalov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, the Russian Federation,
kriminalist-2010@mail.ru

Abstract. The article presents the criminalistic characteristics of organized forms of fraud. The author's own definition of organized forms of fraud is presented, the elements of criminalistic characteristics are described, the structure of organized groups is given, and the personal characteristics of a participant in such a

group are defined. The novelty of the article's topic consists in viewing the problem through the prism of the author's analysis of his own law enforcement experience and research publications. It is an attempt to present not just a standard criminalistics description of such crimes, but also to define different relevant organized forms of fraud from the standpoint of the elements of committing them. The goal of the publication is to single out the specifics of the criminalistic characteristics of organized forms of fraud. The author uses the normative legal regulation analysis, the formal legal and the comparative legal method. The theory and law enforcement practice allowed the author to identify key elements of the criminalistic characteristics of the crimes under consideration, to single out ten methods of the organized forms of fraud, to identify five typical groups of persons who commit such crimes, and to describe the diversity structure of organized groups.

Keywords: fraud, organized forms of fraud, criminalistic continuity, organized crime, criminalistic characteristics, derivative fraud, digitalization.

For citation: Polstovalov O.V. Criminalistic Characteristics of Organized Forms of Fraud. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 1, pp. 77–89. (In Russian). EDN: KFSHP. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.1.77-89.

Введение. Проведенные автором правоприменительные исследования показывают, что современная организованная преступность в сфере мошенничества в Российской Федерации представляет собой новый уровень консолидированной преступности [1, с. 146], имеющие специфические черты не только уголовно-правового и криминологического, но и криминалистического характера. Однако без учета определенных черт, присущих современным организованным преступным группам и их мошеннической деятельности, использование в борьбе с ними существующих методик расследования далеко не всегда оказывается эффективным. Организованные формы мошенничества в контексте данного исследования раскрываются нами как систематическая, длящаяся во времени преступная деятельность, осуществляемая в виде сложных многокомпонентных действий, стратегия и тактика которой реализуются различными преступными сообществами для получения прибыли через влияние на определенные процессы экономической жизни общества и граждан. В научной литературе разработан опреде-

ленный перечень признаков, которые служат формальными критериями для отнесения различных форм мошенничества к организованным формам [2, с. 230–238]. Однако исследование автора демонстрирует, что единства взглядов на этот счет не существует, так как в настоящее время благодаря цифровизации и развитию общества возникают все новые и новые виды мошенничества. В связи с этим, в некоторых случаях, организованная форма мошенничества может отождествляться с групповой, но «синонимами» данные термины не являются. Но их рассмотрение в отрыве друг от друга несомненно будет ошибкой в методике расследования таких преступлений, поскольку у них существует определенная взаимосвязь, она выражается в «криминальной преемственности».

Криминалистическая характеристика организованных форм мошенничества. При совершении мошенничества организованные преступные группы имеют определенное своеобразие. При анализе рассматриваемой преступной деятельности прежде всего нужно определить, какая же деятельность для данной преступной группы

является стержневой [3, с. 500], то есть определяющей, и служащей главным средством достижения намеченных преступных целей. Элементами криминалистической характеристики организованных форм мошенничества, по нашему мнению исходя из научных источников и правоприменительной практики, являются: 1) способы совершения организованных форм мошенничества; 2) структура организованных групп; 3) характеристика личности участника организованной группы; 4) условия, способствующие формированию организованных преступных групп и совершению ими преступлений. Данные элементы тесно переплетаются между собой, поэтому рассматривать их структурно нам представляется не совсем верным, это мы проиллюстрируем далее.

В частности, организованное мошенничество в сфере кредитования, банковской деятельности в целом при работе с так называемыми кризисными и предкризисными предприятиями осуществляется, как правило, посредством представления в кредитное учреждение недостоверных сведений о финансово-хозяйственной деятельности заемщика (эти действия совершаются в сговоре с сотрудниками банка, так называемыми «рисковиками», руководством кредитной организации, как правило, при покупке «плохих активов», сонации другого кризисного банка и пр.), при этом реализация умысла по продвижению мошеннической схемы зачастую имеет этапы монетизации криминальных усилий: в результате принятия решения на кредитном комитете, при выборе конкурсного управляющего в процедуре банкротства, в ходе подбора неликвидного и негодного с точки зрения закона залогового обеспечения, при определении и допуске

к активу банкрота якобы инвестора, который лишь выступает связующим звеном, своего рода «прокладкой» в системе восстановления платежеспособности предприятия, но реальными средствами и компетенциями не располагает. Такие псевдо-инвесторы в составе организованной группы берут в аренду крупный актив и создают видимость деятельности, «накачивая» и без того кризисную часть, отягощая и без того сложный кредитный портфель псевдо-вложениями. При этом реальный инвестор оказывается перед выбором: либо договориться с ним, либо «играть в долгую», инвентаризируя реальные вложения. Порой конъюнктура рынка такова, что первый вариант становится практически безальтернативным, поскольку динамика ухудшения актива намного рискованнее, чем компенсация арендатору его якобы имевших место вложений. В этой мошеннической схеме переплетается банковская и инвестиционная деятельность, которая опирается в работу с кризисными и предкризисными активами, в том числе в процедуре банкротства.

Организованное мошенничество в сфере производства товаров в отличие от сферы продажи торговли и услуг по большей части связано с манипулированием качеством и количеством расходуемых материалов, реализуемой продукции [4, с. 77], ценовой политикой в целом и отчетными документами, поскольку в этом сегменте экономики реализация корыстных намерений посредством присвоения и растраты завязана на специальном субъекте, которому имущество вверено или в ситуации, когда он осуществляет соответствующие данному виду хищения функции. Когда же такую «спецсубъектность» доказать невозможно или деятельность по незаконному обогащению

нию путем хищения осуществляется посредством введения в заблуждение контрольных органов предприятия и собственника преданием видимости законности хозяйственной деятельности и экономической обоснованности затратной части технологических процессов производства, то в этом случае появляется перспектива преследования мошенников. Другое дело, что крупные хозяйствующие субъекты порой не заинтересованы в том, чтобы «выносить сор из избы» и, принимая во внимание тот факт, что службы экономической безопасности, выявив факт превышения полномочий в коммерческой организации (ст. 201 УК РФ), направляют материалы руководству, которое взвешивает риски: привлечь к ответственности тех, кто превысил полномочия и в разработке мошеннической схемы обозначил бреши в экономической безопасности, тем самым поставив на кон позиции на бирже или все-таки расстаться с такими менеджерами по-хорошему, не создавая лишнего резонанса? Как правило, избирается последний вариант.

Организованное мошенничество в сфере строительства по модели преступных усилий отличается по моменту возникновения умысла к совершению обмана вкладчиков для завладения их денежными средствами. В большинстве случаев проблема обманутых дольщиков и нереализованные проекты по развитию застроенной территории, инвестиционных соглашений, договоров по комплексному освоению территорий и подряда на строительство жилых домов возникает ввиду возникающих финансовых сложностей у застройщика, ввиду падения рынка жилья, неточных расчетов финансовой модели строительства и других причин. В этой ситуации застрой-

щик оказывается перед выбором: либо вывести оставшиеся суммы для того, чтобы если и подпасть под уголовное преследование, то хотя бы с хорошо припрятанным и выведенным, как правило, в оффшорную или другую «безопасную» для обращения к взысканию юрисдикцию капиталом, либо реализовать застройку практически уже себе в убыток, что также может привести к финансовому краху и не гарантирует от привлечения к уголовной ответственности. Поэтому многие «вынужденные» мошенники выбирают первый вариант, что вполне логично. Много реже умысел на хищение по мошеннической организованной схеме обмана дольщиков возникает заранее, еще до начала строительства. В такой ситуации мошенники создают видимость деловой активности и намерений к строительству. Порой это заметно для специалистов: в проектной декларации не гнушаются размещением заведомо недостоверных данных (например, указывают количество квартир, явно не соответствующих общей площади возводимого жилья), активно опекают должностных лиц муниципальных и региональных органов власти, проявляют готовность к благотворительности и помощи государству в реализации его социальных задач, при этом в пику всему этому «нагружают» социальными обязательствами (к примеру, 10 процентов передачи в собственность муниципалитету для формирования специального жилого фонда от общих вводимых квадратных метров по всей застройке) последний планируемый к возведению дом, который по факту до уже начала всего строительства никто возводить не намеревается. В лучшем случае его якобы «будет возводить» уже другая организация или та же, но с новым учредителем, которому «по-

счастливилось приобрести» уставной капитал компании. В подобных случаях должна срабатывать криминалистическая профилактика на прикладном, практическом уровне по выявлению признаков недобросовестности предприятия-застройщика. Однако адекватной реальности угроз подобного рода регламента работы правоохранительных органов, равно как и надлежащего криминалистического обеспечения ввиду гегемонии цивилистической идеи «свободы договора», просто нет.

Буфер институционализации эскроу-счетов [5, с. 160] создает дополнительные гарантии безопасности вложений граждан в строительство, но, как и страховой рынок, данный механизм зависим от общекорпоративных деформаций и макроэкономических кризисных сдвигов и не защищает участника рынка полностью. Более того, долевое участие в строительстве будет еще актуальным в течение ряда лет, пока не реализуются ранее взятые на себя обязательства. Соответственно, мошенничество в данной сфере будет мимикрировать под меняющиеся условия рынка и государственного управления в этом секторе экономики.

Существует также своего рода «производное» мошенничество на рынке строительства жилья, при котором риелторы и прочие посредники, пользуясь неопределенностью ситуации с кризисом строительной организации, начинают работать с дольщиками и предлагать им разного рода «варианты», каждый из которых в той или иной степени ведет к потере собственных вложений. Такие посредники нередко действуют в интересах самого застройщика, имея с ним некие договорные отношения на уровне, к примеру, субподряда. У частности, некая З.Л.Б. представлялась потерпевшим

директором ООО «Аркаим», которое выступало субподрядчиком у ООО «Инвестрайстройзаказчик» и производило кровельные работы. Расчет с ней якобы производился возводимыми площадями, и она могла продать им интересующую их квартиру. После этого начинались переговоры об изменении условий сделки по другой цене и по предоставлению иной квартиры, после чего обещанное не исполнялось, возврат вложений не осуществлялся¹.

Такое «производное» мошенничество порой имеет скрытую логику, действующую в интересах недобросовестного застройщика. Маркером подготовки к совершению мошенничества на рынке строительства жилья выступает заниженная цена. При этом сам недобросовестный застройщик нередко начинает «скупать» заведомо не планируемые к строительству квадратные метры, которые потом в ходе или после процедуры банкротства застройщика будет «достраивать государство за счет налогоплательщиков». Таки образом, аффилированные физические и юридические лица к застройщику уже сами по себе представляют грозную силу обманутых «псевдодольщиков», которые и в протестном движении, и в итоговой выгоде полностью играют на стороне мошенника-застройщика. По сути, сам застройщик, «скупая воздух» через аффилированных лиц, достигает двойных предпочтений: во-первых, получает свой пакет достраиваемого государством жилья по заниженной цене, реальность оплаты части которого по-

¹ Уголовное дело № 1-113/2019 по обвинению Зыряновой Л.Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ // Архив Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан.

рой не просто проверить, а во-вторых, через этих лиц манипулирует общественным мнением, позицией действительно обманутых дольщиков и косвенно управляет процессом даже при процедуре банкротства, порой имея возможность назначения удобного конкурсного управляющего. К слову, «воздушниками» на сленге строителей при обмане участников долевого строительства называют дольщиков, возводимые квартиры которых не были запроектированы изначально, а расчет якобы велся на согласованные изменения в проекте достройки дополнительных этажей с целью преодоления сложной финансовой ситуации.

Распространены на мошенническом рынке строительства жилья и другие главным образом региональные схемы, когда граждане могут лишиться своих вложений. В частности, в Московской области, в Краснодарском крае и ряде других регионов, где земельные участки стоят дорого, стала типичной картина, когда организованные группы мошенников строят многоквартирные дома на земельных участках с видом разрешенного использования в лучшем случае «для индивидуального жилищного строительства». Несоответствие самовольно, без разрешительной документации, возводимого многоквартирного дома виду противоречия разрешенному виду использования земельного участка создает массу сложностей для приобретателей такого жилья, поскольку они в полном смысле слова обманутыми дольщиками не являются, но признаются потерпевшими по уголовному делу, возбуждаемому по факту совершенного мошенничества. Ввести такой дом в эксплуатацию практически невозможно, поскольку помимо нарушения требований земельного законо-

дательства, ситуацию отягощают неустранимые проблемы по превышению площади пятна застройки, соблюдения дистанцирования от магистрального газопровода, линий электропередач в их санитарно-защитных зонах, от соседнего земельного участка и пр. При строительстве такого дома не учитываются необходимые свободные мощности, нагрузка на социальные объекты, городскую инфраструктуру [6, с. 65]. Однако пока правоохранительные органы успевают отреагировать на произошедшее, мошенники, как правило, уже скрываются за рубежом.

На рынке строительства жилья организованное мошенничество реализуется самыми разными способами, которые в целом при высокой организации преступной деятельности предполагают максимальную буферную зону нейтрализации рисков от уголовного преследования в виде выводимых в безопасную для взыскания юрисдикцию средств, задействование коррупционных связей для прикрытия антисоциальных сделок при приобретении прав на земельные участки, перераспределения средств на аффилированных лиц, которые по факту запуска процедуры банкротства и включения в соответствующий реестр юридически становятся обманутыми дольщиками, будучи по сути бенефициарами криминальной схемы. При этом зачастую используется технология, которая не является оригинальной, но здесь имеет массовое распространение так называемого «просуживания», когда заинтересованные органы муниципальной, региональной и даже федеральной власти при отчуждении земельного участка в обход конкурсных процедур или по заниженной цене для начала строительства под перспективу создания ситуации с обманутыми дольщиками для

сокращения издержек и реализации намерений на незаконное обогащение перестраховываются и инспирируют судебный процесс, где создают видимость оспаривания потерь для бюджета от такой формы реализации государственной или муниципальной земли. Преюдициальное решение о законности действий очень серьезно осложняет перспективу уголовного преследования виновных, а неоднозначность и асоциальность сделки по отчуждению земельного участка заведомо создает угрозу заморозки строительства и приращения обманутых дольщиков. Поэтому, разумеется, мошенничество на этом рынке очень тесно пересекается с коррупционной преступностью при осуществлении государственного и муниципального управления. «Просуживание» через арбитражные суды, где позиция суда практически полностью зависит от позиций сторон, свойственно практике работы самих застройщиков, действующих через систему аффилированных компаний. Такие судебные процессы предполагают предание некой легитимности асоциальным сделкам по псевдоинвестированию и выводу активов на другие цели.

Организованное мошенничество в области государственного и муниципального управления и связанной с ним деятельности реализуется недобросовестными государственными и муниципальными служащими, которые не имеют прямых полномочий, но, используя наработанные связи, продвигают свои незаконные интересы. По- существу мы здесь имеем дело со скрытыми формами взятки, когда спецсубъектность получателя выгоды доказать не представляется возможным, так как виновный не имеет прямых дискреционных полномочий по отношению к органу, принимающему

в его пользу решение. Кроме того, такого рода организованное мошенничество возникает в ситуации, когда в периметр государственного и муниципального управления проникают разного рода нечистые на руку «решалы», имеющие давние дружеские или в прошлом общие служебные связи с чиновниками различного уровня. Нередко такое мошенники демонстрируют свои связи потенциальным «клиентам», разворачивая за спиной у добросовестных и профессиональных государственных и муниципальных служащих свой окологримиальный или полностью преступный бизнес на госзакупках, распоряжении государственной и муниципальной собственностью, в том числе при управлении государственными и муниципальными предприятиями или хозяйственными обществами с государственным участием. Такие мошенники не гнушаются ничем: демонстрируют участникам рынка фотографии из личных архивов, которые были сделаны с чиновником в совместной досуговой обстановке, показывают свой «успешный опыт работы» по продвижению тех или иных проектов, заключают договоры на правовое сопровождение по явно завышенным расценкам, вступают в введение переговоров и даже добиваются определенных «результатов» своих титанических усилий, которые и без их участия были бы достигнуты.

Организованное мошенничество в сфере организации игорного бизнеса само по себе органично вплетается в сложившуюся систему извлечения прибыли от такого рода деятельности [7, с. 141]. Игорный бизнес постоянно балансирует на грани дозволенного. Вместе с тем, очевидные мошеннические схемы процветают в комбинации с использованием высоких техноло-

гий, в особенности там, где используются онлайн-сервисы казино. Нередко мошенники используют игроманию отдельных граждан, которые в погоне за легкими деньгами не замечают бросающиеся в глаза признаки мошеннических намерений со стороны представителей такого рода сервисов. В этих целях мошенники устраивают различного рода розыгрыши «от издательства», где стоимость участия в лотерее сама по себе уже многократно перекрывает гарантированный «приз», а для продолжения участия в дальнейших розыгрышах неких «суперпризов» требуются еще вложения. Однако такие акции бывают разовыми и не прикрываются сколько-нибудь видимыми поощрительными выигрышами. В частности, от действий таких мошенников пострадал житель города Железногорска Курской области. Преступники предложили ему заработать деньги, делая ставки на спорт с якобы гарантированным выигрышем. Доверчивый интернет-пользователь перечислил на счета преступников в общей сложности более 200 тысяч рублей².

Сам игорный бизнес нередко ориентирован на мошеннические схемы достижения сверхприбыли [8, с. 56]. По сей день популярны различного рода «теле-шоу», где за легкостью задания скрывается невозможность дозвониться до службы поддержки с готовыми правильными решениями, а сам звонок оказывается бесплатной ловушкой с прямым или косвенным расчетом уже за само участие в этом псевдорозыгрыше. Доверие зрительской аудитории в данном случае есть неисчерпаемый

² Фальшивые ставки на спорт разорили россиянина на 200 тысяч рублей // NewsOfGambling. URL: <https://newsOfgambling.com/falshivye-stavki-na-sport-razorili-rossiyanina-na-200-tysyach-rublej/>.

ресурс для мошеннического обогащения. Однако в профессиональной игровой сфере в казино при розыгрыше на рулетке использование шарика с металлической основой и электромагнитов, отверстий в секторах с воздушным приводом, а в игре с картами подключение подставного игрока и пр. являются известными и, тем не менее, высоколатентными способами реализации мошеннических устремлений со стороны самих организаторов такого рода эксплуатации игромании.

Организованный игорный бизнес сродни мошеннической интернет-торговле и может быть разделен по способам реализации преступных намерений на две категории: 1) мошенничества, ориентированные на вовлечение участника мелкими поощрениями; 2) мошенничества, не преследующие цель материального стимулирования азарта, но имеющие в самой организации схемы определенные «накладные расходы». И в том, и в другом случае как в криминальной интернет-торговле, так и в мошенничестве в сфере игорного бизнеса злоумышленники всегда могут рассчитывать на прибыль от несоответствия «дороговизны участия в самом процессе жертвы» с мелкими стимулирующими азарт игрока, покупателя «уникальной и бесценной своей вещи» расходами на организацию такого преступного бизнеса. Иными словами, интерес потребителя «услуг и товаров» такого рода подогревается как материальным стимулированием, так и созданием самой атмосферы доверия с демонстрацией, к примеру, в рекламном ролике успешных людей, кто обогатился от такого рода «делок», приобрел «бесценный товар» за сущие копейки.

В процессе антикризисного управления проблемными активами, бан-

кротства юридических и физических лиц существует так много возможностей практически недоказуемого мошенничества, что эта сфера становится сверхдоходной для криминальных способов хищения путем обмана и злоупотребления доверием. При этом используются практически непрозрачные с точки зрения закона и слабоконтролируемые правоохранительными органами схемы, реализуемые самими конкурсными управляющими, так и различными финансовыми институтами, банками и их сотрудниками для якобы финансового оздоровления или погашения имеющейся задолженности из оставшихся активов в реабилитационной фазе. Реабилитационная стадия предполагает восстановление рентабельности и платежеспособности юридического и физического лица. При этом как усилиями самого собственника бизнеса, так и посредством санации [9, с. 50], финансового оздоровления со стороны арендатора, нового собственника предполагается сохранить хозяйствующий субъект и его деятельность в целом за счет реализации непрофильных активов, использования кредитных ресурсов под залоговое обеспечение банков и пр. Инструментов очень много, но каждый из них предполагает свободную трактовку недобросовестными участниками рынка правил игры, которые рассматриваются зачастую с позиций собственной выгоды. В частности, при санации Банка Москвы Банком ВТБ (ПАО) последний получил среди прочих проблемных активов кредитный ресурс АО «Издательство Башкортостан», находящегося в кризисном состоянии, под залоговое обеспечение ненадлежащими имуществом — уникальным издательским оборудованием, неразрывно связанным с земельным участком и фунда-

ментной его основой. Поскольку такого рода предмет залога не мог быть средством обеспечения обязательства по кредиту в силу закона, остается только догадываться, каким образом рисквики и служба экономической безопасности Банка Москвы закрыли глаза на это очевидное обстоятельство. Другой пример из той же банковской сферы: на рынке кредитных ресурсов Московским кредитным банком был выкуплен по номиналу вексельный долг АО «Башкиравтодор» на 450 млн. рублей, 200 млн. рублей из которых были выведены на подконтрольные мошенникам фирмы. Помимо прямого мошенничества с поступившим кредитным ресурсом от первоначального векселедержателя ООО «Региондорстрой» и последующего ООО «Консалт-юнити» и выводом активов, возникает вопрос о добросовестности опять же службы экономической безопасности и дирекции рисков банка. Как можно было выкупить такой рискованный актив по номиналу и даже без дисконта? За такими схемами якобы финансового оздоровления лишь угадывается организованный интерес.

Конкурсные управляющие в последнее время все меньше стремятся действовать по традиционным мошенническим схемам [10, с. 100], поскольку прямое хищение становится ввиду усиления их субсидиарной ответственности слишком рискованным. Поэтому они предпочитают организованное мошенничество: в сговоре с теми же недобросовестными менеджерами руководящего уровня банков, других хозяйствующих субъектов, инициировавших процедуру банкротства и играющих первую скрипку в комитете кредиторов пускать на выкуп активов или управление ими посредством договора аренды псевдоинвестров, которые

генерируют дополнительные расходы и таким образом только отягощают кредитный портфель. Как правило, такие псевдоинвесторы имеют уже подобный опыт подобного рода деятельности в том же или другом регионе, а последствия их участия в «финансовом оздоровлении» уже известны. Одновременно о традиционных мошеннических схемах может свидетельствовать превалирование «черной бухгалтерии», ненадлежащий бухгалтерский учет в целом, наличие не прямых договоров с недавно созданными фирмами-посредниками, присутствие среди трудоустроенных на проблемном производстве близких знакомых и родственников управляющего, «просуживание» проблемных сделок с их легитимацией через преюдициальные решения суда, полное отсутствие претензионно-исковой работы или создание ее видимости, наличие отчетов об оценке с заниженной рыночной стоимостью активов, признаки отнесения к непрофильным активам тех, которые таковыми не являются.

Характеристика личности участника организованной группы и структура организованных групп. Личностные особенности виновных в совершении мошенничества не имеют принципиального значения, за исключением конкретной роли каждого соучастника в преступной группе и специфики их взаимодействия. Ни социально-ролевые, ни социально-демографические характеристики не играют ключевой роли, за исключением частных случаев. К примеру, сведения о том, что руководители организованных мошеннических схем в сфере управления кризисными активами в банковской сфере имеют высшее образование, достаточно большой опыт работы выглядит очевидным. Другое

дело, что общие тенденции того, что отдельные этнические преступные группировки очень охотно осваивают мошеннические схемы, связанные с социальными гарантиями гражданам (материнский капитал, расселение ветхого и аварийного жилья, жилье детям-сиротам) является веянием последнего времени и позволяет ориентироваться в познавательно-поисковой деятельности и в криминалистической профилактике таких преступлений.

Социально-ролевая характеристика члена преступной группы об определенных позициях в ней имеет криминалистический смысл [11, с. 33] поскольку позволяет двигаться в изблечении виновных «по вертикали». Структура преступной группы мошенников выглядит следующим образом: 1) руководство преступной группы, которое выполняет организационно-распорядительные функции, нередко даже не имея личных контактов с немалым числом членов преступного образования, как в ситуации с компьютерным мошенничеством; 2) вспомогательно-консультационная подструктура группы (интеллектуальный центр, занимающийся проработкой криминальных схем, обеспечением безопасности, работой с государственными и муниципальными служащими); 3) «менеджеры среднего звена» преступной группы, которые выполняют техническую и главным образом документарную часть работы; 4) коррумпированные чиновники различных министерств и ведомств, муниципалитетов, которые находятся в сговоре с мошенниками и играют порой ключевую роль в реализации мошеннической схемы, но нередко лишь обеспечивают выполнение криминального замысла, либо потворствуют реализации преступных намерений; 5) рядовые исполнители,

которые выполняют всю «черную работу». Эти группы порой напрямую не пересекаются, а дистанцирование с усложнением изобличения по вертикали возникает в связи с тем, что в сфере управления активами исполнителям дают указания устно те, кому в прямые функциональные обязанности не входят такие полномочия. Происходит это нередко на закрытых совещаниях с отключением сотовых телефонов, с использованием специального оборудования, блокирующего запись. Порой поручения отдаются анонимно через аккаунт в интернете (при компьютерном организованном мошенничестве). Нередко подключают сторонних «экспертов», которые вообще ни за что не отвечают, но негласно разрабатывают схемы, по которым всем надлежит действовать. Для уклонения от ответственности создается видимость принятия коллегиального решения при размывании ответственности. При этом такие коллегиальные органы не принимают прямых дискреционных решений, но их рекомендации порой носят куда как более императивный характер, чем прямые документарные приказы и другие обязательные для исполнения акты. Нередко устная «стратегия» идет в разрез с официальным документарным сопровождением, но выглядит это как волюнтаризм со стороны сотрудников среднего и низкого уровней, превышение полномочий или злоупотребление полномочиями с их стороны. При этом, дистанцирование в межличностных и профессиональных отношениях внутри организованной преступной группы мошенников по-

зволяет избегать организаторам преступного сообщества ответственности ввиду сложности с доказыванием факта близких контактов с конкретными исполнителями криминального замысла, отсутствия прямых документарно подтвержденных поручений, встреч на конфиденциальные темы в неформальной обстановке.

Заключение. В заключение отметим, что важной тактической задачей, решаемой органами предварительного следствия, при расследовании мошенничества, совершенных организованными преступными группами, является выявление и изобличение соучастников преступления, установление всех эпизодов преступной деятельности группы, роли каждого из ее участников. В структуре организованных преступных групп особо следует выделить лидеров, осуществляющих стратегическое управление, формирующих идеологию, консолидирующих усилия преступников. Автором на основе собственной правоприменительной практики предпринята попытка дать криминалистическую характеристику организованных форм мошенничества не как типизированной системы, а как описания в контексте практических примеров. Автором приведены десять способов организованных форм мошенничества, пять типичных групп личностей, совершающих организованное мошенничество, структура организованных групп, их знание и описание дает возможность следственным органам спрогнозировать возможность предупреждения таких преступлений в дальнейшем.

Список использованной литературы

1. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность / А.И. Долгова. — Москва: Норма, 2017. — 668 с. — EDN QSB CDJ.

2. Основы борьбы с организованной преступностью / А.И. Коннов, В.И. Куликов, А.С. Овчинский [и др.]. — Москва: Инфра, 1996. — 400 с. — EDN WBATTN.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Волтерс Клувер, 2005. — 795 с.
4. Гаухман Л.Д. Ответственность за преступления против собственности / Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. — Москва: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2011. — 310 с.
5. Макушкин В.О. Счет эскроу: особенности правового режима и актуальные проблемы нормативного правового регулирования / В.О. Макушкин // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. — 2017. — №1. — С. 158–171.
6. Глеба О.В. Признание объекта самовольной постройкой: проблемы правоприменительной практики / О.В. Глеба. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.126.5.063-069. — EDN SHWTMV // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 16(5). — С. 63–69.
7. Коновалова А.Б. О необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия незаконной игровой деятельности / А.Б. Коновалова, И.Н. Мосечкин. — EDN TYWBBH // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 2. — С. 75–79.
8. Лихолетов А.А. Незаконные организация и проведение азартных игр, совершенные организованной группой: проблемы квалификации / А.А. Лихолетов. — EDN TNUKFH // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2015. — № 1. — С. 73–78.
9. Кузьмин С.В. Санация как рискованный инструмент финансового «оздоровления» предприятия / С.В. Кузьмин. — EDN PNCIZV // Международный научно-исследовательский журнал. — 2012. — № 5. — С. 48–57.
10. Старцева Е.А. Экономико-криминальные схемы мошеннических действий, совершаемых арбитражными управляющими в ходе конкурсного производства / Е.А. Старцева. — EDN IFDSBT // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 1. — С. 98–107.
11. Кен С.К. Экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы и их роли в преступлении / С.К. Кен // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 3. — С. 30–36.

References

1. Dolgova A.I. *Criminological Assessment of Organized Crime and Corruption, Legal Battles and National Security*. Moscow, Norma Publ., 2017. 668 p. EDN: QSBDCJ.
2. Konnov A.I., Kulikov V.I., Ovchinskii A.S., Ovchinskii V.S., Ehminov V.E. *Basics of Counteracting Organized Crime*. Moscow, Infra Publ., 1996. 400 p. EDN: WBATTN.
3. Luneev V.V. *Criminality in the 20th Century: Global, Regional and Russian Trends*. 2nd ed. Moscow, Volters Kluer Publ., 2005. 795 p.
4. Gaukhmana L.D., Maksimova S.V. *Liability for Crimes against Property*. Moscow, AO TsentrYuRInfoR Publ., 2011. 310 p.
5. Makushkin V.O. Escrow Account: Specifics of Legal Regime and Topical Problems of Normative Legal Regulation. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2017, no. 1, pp. 158–171. (In Russian).
6. Gleba O.V. Recognition of the Object as an Unauthorized Construction: Problems of Law Enforcement. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2021, no. 16, pp. 63–69. (In Russian). EDN: SHWTMV. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.063-069.
7. Konovalova A.B., Mosechkin I.N. About the Necessity of Further Improvement of the Criminal Law in Combating Illegal Gambling Activities. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State University*, 2015, no. 2, pp. 75–79. (In Russian). EDN: TYWBBH.
8. Likholetov A.A. Illegal Organization and Conducting of Gambling by an Organized Group: Problems of Classification. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2015, no. 1, pp. 73–78. (In Russian). EDN: TNUKFH.

9. Kuz'min S.V. Sanction as a Risky Instrument of Financial “Sanitation” of a Company. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2012, no. 5, pp. 48–57. (In Russian). EDN: PNCIZV.

10. Startseva E.A. Economic and Criminal Schemes of Fraudulent Actions Committed by Arbitration Managers in Bankruptcy Proceedings. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2021, no. 1, pp. 98–107. (In Russian). EDN: IFDSBT.

11. Ken S.K. Expert Assessment of the Social and Psychological Features of Members of a Criminal Gang and their Role in a Crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2021, no. 3, pp. 30–36. (In Russian).

Информация об авторе

Полстовалов Олег Владимирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация.

Author Information

Polstovalov, Oleg V. — Doctor of Law, Professor, Department of Criminalistics, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 11.10.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.11.2023

Принята к публикации / Accepted 25.03.2024

Дата онлайн-размещения / Available online 29.03.2024